

А.С. ЛАГУЕВ

*Аспирант, Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

Д. ЛУКАЧ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОНТОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению автобиографии выдающегося венгерского философа Дьердя Лукача, принадлежавшего к кругу Мих. Лифшица в 1930-ые гг, «Gelebtes Denken» в ракурсе ее связи с другим произведением мыслителя – «Онтологией общественного бытия». Прослеживая многочисленные содержательные параллели двух произведений, статья демонстрирует не только их тематическую близость, но и неожиданное объективное расхождение, вызванное самой формой автобиографической работы.

Ключевые слова: Лукач, марксизм, онтология, автобиография

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)»)

A.S. LAGUREV

*PG student, Institute of Philosophy
St. Petersburg State University*

G. LUKÁCS: THE HISTORY OF LIFE IN THE SPACE OF ONTOLOGY

The article is devoted to an autobiography of the famous Hungarian philosopher György Lukács, who belonged to the circle of Mih. Lifshitz's in the 1930s, «Gelebtes Denken» in the view of her connection with another work of the thinker – «Ontology of social being». Tracing the numerous meaningful parallels of two works, the article demonstrates not only their thematic proximity, but also an unexpected objective discrepancy, caused by the very form of autobiographical work.

Keywords: Lukács, Marxism, ontology, autobiography

The work has been done by the support of the grant of RFFI (project № 18-011-01042).

История жизни выдающегося венгерского философа Дьердя Лукача не раз становилась объектом исследований, в том числе исследований, стремящихся проследить взаимосвязь лукачевской теории и практики, сложного переплетения деталей биографии и теоретических положений. В первую очередь, подобные исследования затрагивали наиболее известные произведения Лукача, вроде «Истории и классового сознания» или «Души и форм» и разворачивались в более широких рамках – будь то исследование всей (интеллектуальной) биографии Лукача или же какого-то ее отдельного периода. В первую очередь из работ вышедших на русском языке можно вспомнить работы А.С. Стыкалина [9], А.Н. Дмитриева [2], В.Г. Арсланова [1], С.Н. Земляного [3] и С.П.

Поцелуева [8]. Вместе с тем, более узкое рассмотрение отдельных биографических документов (дневника, писем и т.д.) и их взаимосвязь с большими теоретическими произведениями намного реже попадает в поле зрения отечественных исследователей. Одним из интереснейших произведений Лукача является его автобиография¹ – «Gelebtes Denken» [10].

Впервые беря в руки автобиографию Дьердя Лукача невозможно не отметить, что из всех работ мыслителя она, неожиданным образом, яснее всего обнаруживает связи с другим его произведением – «Онтологией общественно-го бытия»², фундаментальным проектом изложения онтологических оснований марксизма, оставшимся незавершенным. Их взаимосвязь буквально формирует саму структуру текста: пронизывая его от начала и до конца, она задает определенный угол зрения, перспективу в свете которой Лукач хотел изложить историю своей жизни.

Понять истоки этой связи довольно легко, ведь самым своим появлением на свет автобиография Лукача в известной степени обязана именно его работе над «Онтологией»³. И потому отнюдь не случайно, что круг проблем, составлявший основную тему этого труда нашел свое отражение и в автобиографии. Прежде всего, это относится к пониманию того, что представляет собой общественное бытие – ключевое понятие его «Онтологии» – в каком отношении оно находится к бытию отдельного индивида, какую роль в жизни людей занимает их сознательная, целенаправленная, свободная деятельность и каким образом она вообще становится возможной посреди царства необходимости. И если в своем фундаментальном онтологическом произведении Лукач обращается больше к общетеоретическому рассмотрению этого круга проблем, рассуждая о тех или иных категориях, об их логической взаимосвязи, анализируя философские системы Гегеля и Маркса, то в автобиографии все это как бы обрастает плотью, наполняется конкретным, жизненным содержанием, раскрывается перед читателем своей поэтической, чувственной стороной.

Сам Лукач так характеризует взаимосвязь «Онтологии» и автобиографии: «Субъективно: попытка сформулировать принципы м[арксист]ской онтологии: *важнейшее положение* для этой цели (автобиография, субъективное дополнение, иллюстрация, обоснование etc.). Разумеется: индивидуально-человеческие предпосылки для правильного выражения онтологических проблем» [10; Р. 276]. Тем самым, его интересовала, прежде всего, возможность показать как именно установленные им в ходе работы над «Онтологией» тео-

¹ Точнее автобиографические наброски «Gelebtes Denken», дополненные серией интервью, раскрывающих их смысл.

² На русский язык переведена лишь первая, вступительная часть труда [6]

³ См. примечание редактора Иштвана Эрши, рассказывающее об истории появления этой работы [10; Р. 35].

ретические положения могут быть обнаружены в самой жизни, в данном случае его собственной.

Важно отметить, что автобиография не только открывается обширным наброском рассуждения об этой онтологической проблематике, но и завершается подобным же фрагментом: и в этом смысле Лукач скорее погружает историю своей жизни в пространство онтологии, чем наоборот, растворяет онтологию в субъективности автобиографии. По этому поводу он даже замечает: «Не моя жизнь в *непосредственном* смысле. Лишь как (в человеческом плане как) из [самой] жизни к жизни пробудилось это направление мысли, этот образ мысли (это образ действия)» [10; Р. 239].

Это стремление к объективности пронизывает замысел Лукача, прекрасно понимавшего, однако, неизбежную субъективность любой автобиографии. «Всякая автобиография – читаем мы в набросках – субъективна», и все же, означает ли это, что мы заперты в границах нашего я и не способны дать что-то большее, чем субъективную картину его переживаний? Для Лукача ответ на этот вопрос тесно связан с пониманием сложной взаимосвязи не только между отдельным индивидом и общественным бытием, но и между общественным бытием и бытием природным. Конечно, жизнь отдельного человека представляет собой лишь часть более широкой жизни общества, лишь осколок внушительного зеркала общественных отношений, и все же, парадоксально, но не только вопреки этой ограниченности, но отчасти и благодаря ей, эта жизнь может сказать нам больше, чем иные самые точные социологические исследования. Да, она конечна, но у конечного, наполненного особым содержанием, есть свои преимущества даже перед бесконечным, если это бесконечное остается лишь абстракцией. Эта мысль тесно связывает Лукача с миром классической культуры – христианский бог должен был взойти на Голгофу и погибнуть, и даже абсолютный дух Гегеля вынужден ступить на путь отчуждения. Сама жизнь во всем своем многообразии одновременно и конечна, и бесконечна. Ответ на вопрос: как это возможно? – составляет, быть может, важнейшую сторону лукачевской автобиографии. Действительно, что нужно для того, чтобы индивидуальная история жизни отдельного человека смогла превратиться в автобиографию, способную подарить особый, индивидуальный голос общественному бытию и его истории?

В одном из своих поздних интервью Лукач, в ответ на вопрос о секрете своего долголетия ответил, что у него «нет души», в связи с чем, в предисловии к впервые изданной переписке Лукача и Мих. Лифшица В.Г. Арсланов заметил: «души как чрезмерной возни «Я» с самим собой» [1; С. 7]. Именно это качество – отсутствие чрезмерной возни с самим собой – характеризует не только весь жизненный путь Лукача, но и его автобиографию. Мы не встретим в ней никакой «достоевщины», в ней отсутствует всеразъедающая рефлексия, она не поразит нас изнанкой души или буйством страстей извлеченных из

недр памяти. Однако дело вовсе не в том, что самому Лукачу были чужды глубокие, сильные чувства, что его не терзали муки выбора и страшные сомнения: в юности его увлекали Ницше и Кьеркегор, Толстой и Гауптман, он даже собирался написать специальную работу, посвященную Достоевскому¹, ему довелось пережить и несколько личных потрясений, глубоко затронувших его внутренний мир², и даже его обращение к коммунизму во многом было продиктовано этическими мотивами. К слову, этические же мотивы тесно связали его когда-то и с Гертруд Бортштибер, многолетней спутницей жизни философа. Нет, ничто человеческое не было чуждо Лукачу. И все же в автобиографии детали былых душевных потрясений мало интересовали ее автора – вместо них мы обнаруживаем там целую галерею событий вокруг которых разворачивался тот или иной этап в жизни мыслителя. По сути, обращаясь к своей памяти, Лукач, прослеживает не столько свои собственные мимолетные впечатления и переживания, сколько физиологию тех ситуаций, что отразились в его индивидуальной жизни, вошли в его плоть и кровь, как-то повлияли – заставили сделать выбор или же что-то показали. Тем самым история его жизни предстает перед нами как своего рода история говорящих ситуаций, тесно связывая ее с проблематикой «Онтологии».

Такие реальные, невыдуманнные фабулы мира обладают, как и всякое целое, своей особой силой притяжения. Но очень легко, попав в определенный сюжет, быть унесенным чередой событий – в такой ситуации у нас уже не остается никакого выбора и лучшее, до чего может подняться сознание, это – понимание. Но понимание, по словам Мих. Лифшица, уже возвышает нас над немыслящей стихией и рождает возможность иного, более благоприятного соприкосновения человека с окружающим его миром. Всю свою жизнь Лукач искал возможности показать – не только теоретически, но и практически – как от слепого сознания щепки, закрученной водоворотом, перейти к сознанию в полном смысле слова сознательному, а значит способному бороться за лучший исход. И если в «Онтологии» этот мотив раскрывается со своей теоретической стороны, то автобиография служит его практическим дополнением.

Совершенно не случайно в этом отношении, что автобиографический набросок был назван Лукачем именно «Gelebtes Denken», прожитые или пережитые мысли – ведь всякая мысль понималась Лукачем не только как продукт человеческой головы, но и как отражение чего-то объективного, как нечто, имеющее свой прообраз в самой действительности, т.е. рождающееся из самой жизни и обладающее некоторой степенью автономности. Вспомним уже процитированные слова: в своей автобиографии он стремится, прежде всего,

¹ Наброски этой работы сохранились и были изданы, на русском языке см. [5; С. 40-49].

² См. напр. изданный посмертно дневник молодого Лукача [11].

изобразить то, как «из [самой] жизни к жизни пробудилось» определенное «направление мысли», «образ мысли», «образ действия» [10; Р. 239], голосом которого Лукач увидел себя в последние месяцы жизни. Именно мысль, как объективный смысл и содержание действительности, способна открыться человеку в говорящих ситуациях. Конечно, при условии, что он готов слушать. Тогда, в этом взаимном движении, даже личные, чисто бытовые индивидуальные черты, из которых и складывается повседневная жизнь, начинают отчетливо светиться всеобщим содержанием, более широким пластом жизни. И это большое бытие, как бы отражаясь в малом, становится зримым, дарит нам возможность разглядеть его в этом зеркале.

Наверное, именно из таких отражений и складывается наш интерес, например, к жанру личных дневников или писем, когда мы видим в них близкое действие всемирной истории – той самой, грозной, безжалостной, неумолимой истории, способной, однако, явить нам и свой теплый, человеческий отблеск.

Личность, представшая перед нами как своего рода кристалл более широких отношений – вот отправной пункт Лукача: «не индивидуальность в качестве отправной точки или конечной цели. Но – пишет он в набросках – как личные свойства, склонности, тенденции – в соответствии с обстановкой – при максимальном раскрытии, общественно типически, вошли в сущность моего сегодняшнего [образа мысли], сумели влиться в мою родовую сущность» [10; Р. 240]. Обращение к проблематике личности, конечно, также продолжает тематический ряд «Онтологии» Лукача, причем, и в автобиографии оно не теряет своего полемического оттенка. Довольно интересно, что вопрос о связи личности и общества (проходящий через все сочинение Лукача), должен был быть поставлен в связи с проблемой манипуляции: «Автобиография: Притязание здесь конкретно: исправление определенных взглядов на общественную жизнь. Актуальность, манипуляция: отдельная личность как центральный вопрос» [10; Р. 240]. В этом смысле, особенно важно продолжение фрагмента: «Механизм формирует это (Сигареты Голуаз – доходит вплоть до вопроса искусственного возбуждения)» [10; Р. 240]. «Голуаз» – известная марка сигарет, получившая широкую популярность во Франции во время Второй Мировой войны в среде Сопrotивления, а в послевоенное время у многих деятелей искусства (напр. Пикассо, Сартра, Камю и др.). Можно предположить, что в этом фрагменте Лукач упоминает эту марку именно в связи со своим стремлением выступить против той тенденции общественной жизни, когда крупная личность, обращающая на себя взгляды миллионов людей – подобно Сартру – воспринимается вовсе не как проводник какого-то более широкого общественного содержания, отражающегося в нем, но как нечто отдельное, как только лишь индивид, со всеми его частными привычками, что приводит как раз к желанию, например, курить такие же сигареты, так же одеваться, так же

говорить. Иными словами – против своего рода фетишизма, искусственно создаваемого общественной жизнью.

Всему этому нет места на страницах автобиографии Лукача – скорее, она показывает нечто прямо противоположное, а именно, как из соприкосновения малого бытия личной жизни человека с большим бытием мира вокруг него, рождается на свет нечто новое – происходит, говоря словами Канта, реальный трансцендентальный синтез. И только тогда частная история жизни отдельного человека может превратиться в автобиографию, способную подарить особый, индивидуальный голос общественному бытию, всемирной истории, когда действительность и личность пойдут навстречу друг другу. Ведь «недостаточно, – писал К. Маркс – чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» [7; С. 423].

Детально разбирая в своей «Онтологии», как именно происходит это движение, связывающее мир природы, общества, и отдельного человека в единое целое, в своей автобиографии Лукач имеет возможность еще нагляднее изобразить, какую роль в этом процессе играет возможность личного общения между людьми. Достаточно характерно, что почти каждый крупный жизненный поворот связывается в автобиографии Лукача в том числе и с именами конкретных людей. Так, например, в личности Эрнста Блоха (также близкого друга Лукача в ранние годы) для него отразилась возможность самой философии в ее классической форме – неслучайно Лукач вспоминает не о влиянии тех или иных идей, но о самом облике¹ Блоха: «он убедил меня, – вспоминает Лукач в автобиографической беседе – что философствовать в старом духе возможно. До того момента я был по уши погружен в неокантианство своего времени, и теперь в лице Блоха я столкнулся с тем феноменом, что кто-то философствовал так, как будто бы вся современная философия просто не существовала, и что было возможным философствовать как Аристотель или Гегель» [10; Р. 59]. Эта же мысль выражается им еще отчетливее в тексте набросков: «личность Б'ха доказала возможность философии в классическом (а не в сегодняшнем эпигонском университетском) стиле и тем самым это открылось также для меня в качестве жизненного пути. Но одновременно: итоговое содержание и развитие без какого-либо влиятельного воздействия [Блоха]. Подтверждено самим Б. спустя несколько лет после встречи» [10; Р. 251]. Другой важнейший поворот в его жизни – поворот к коммунизму тесно связывается Лукачем с именем Гертруд Бортшгибер, а обретение совершенно нового, подлинно марксистского взгляда – с именем Мих. Лифшица. Все это, ко-

¹ Тоже самое можно проследить и в отношении Лукача к личности Элека Бенедика, писателя чье этическое влияние было несравнимо важнее для Лукача, нежели чисто литературное.

нечно, было бы невозможным для человека, слишком пекущегося о своем «Я». Даже тщеславие, об опасности которого Лукач пишет в самом конце своих набросков, обрело у него совершенно особенную, как бы общественную форму – форму сознания необходимости собственного голоса как возможности выражения определенной общественной позиции [4; С. 113-114].

Итак, несомненно, что тот комплекс идей, нашедший свое отражение на страницах автобиографии, относит ее – не только в смысле времени написания, но и чисто тематически к пространству «Онтологии общественного бытия». Как уже было отмечено выше, изначальный замысел Лукача заключался в том, чтобы сделать из нее «дополнение и комментарий» к своим опубликованным ранее работам, ко всему тому «что до сих пор было написано по случаю» [10; Р. 240] и вместе с тем ответом на вопрос: как сквозь индивидуальную жизнь отдельного человека может раскрываться жизнь общества, как она способна заговорить его голосом и благодаря его посредству. Получилось ли это у Лукача? Несомненно, на страницах автобиографии мы встречаем ту самую практическую иллюстрацию, дополнение его «Онтологии», включающую в себя в том числе и специальные рассуждения уточняющие и даже цитирующие в ходе бесед различные места фундаментального труда Лукача. И в этом смысле работа полностью соответствует замыслу ее создателя, хотя она осталась лишь комментированным наброском. Но вместе с тем, несмотря на желание сосредоточить внимание читателя на ответах, в центре автобиографии оказываются вопросы.

В своей «Онтологии» Лукач пишет, что человек – это «отвечающее существо», чьи ответы – «продукт мыслящего, предполагающего субъекта, который объясняет старую и новую ситуацию, тенденции и т.д.», в то время как «одни лишь сочетания предметов, процессов и т.д. никогда не содержат в своей непосредственной данности вопроса, который требует ответа» [6; С. 90]. И эти ответы Лукача на вопросы, сформулированные им в различных ситуациях времени являются важнейшим местом автобиографии – он каждый раз отвечал на вызовы времени с учетом конкретных событий и исходя из конкретных событий, был умелым тактиком (хотя часто и ошибался) никогда не переходящим, впрочем, в разряд «умеющих жить» прагматиков.

И все же в еще большей степени, далеко выходя за рамки задуманного Лукачем и во многом даже вопреки ему, его автобиография говорит нам, что человек это скорее спрашивающее существо, существо, честно вопрошающее мир и ждущее его ответа, ведь только этот ответ, эта поддержка мира способна подарить человеку историческое зрение и провести его по лезвию ножа в самых сложных жизненных условиях. Парадоксально, но именно это позднейшее произведение Лукача, формально столь тесно связанное с его «Онтологией», вопреки воле автора обнаруживает внутреннюю близость скорее к тому комплексу идей, что находился в центре его внимания в другой, московский

период биографии, идей от которых он практически полностью отошел на момент написания этой работы. Таким образом на страницах автобиографии мы встречаем удивительную двойственность, которую скорее стоило бы назвать многозначностью.

Конечно, автобиография – уже в силу жанровых ограничений – не может стоять в одном ряду с фундаментальным произведением, по сути, подводящим итог теоретической жизни автора, а именно таким произведением и должна была стать «Онтология»¹, однако, не только вопреки этим ограничениям, но отчасти и благодаря им, на страницах автобиографии мы можем встретить во многом даже более интересное, более содержательное и живое изложение марксистской онтологии, чем в соответствующей книге. Тем самым история жизни, помещенная в пространство онтологии, способна не только заинтересовать нас перипетиями сюжета, но и подарить множество удивительных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов В.Г. «Гибель правды есть ее победа...» (Философия и этика Д. Лукача и Мих. Лифшица в свете их переписки) // Мих. Лифшица и Д. Лукач Переписка. – М.: Grundrisse. – 2011. – с. 5-27.
2. Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, Летний сад. – 2004. – с. 528.
3. Земляной С.Н. Георг Лукач и западный марксизм. – М.: Канон+. – 2017. – с. 336.
4. Лифшиц Мих. Что такое классика? – М.: Искусство XXI века. – 2004. – с. 512.
5. Лукач Г. Комментированные фрагменты рукописи книги «Достоевский» // Г. Лукач Ленин и классовая борьба – М.: Алгоритм. – 2008. – с. 448.
6. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. – М.: Прогресс. – 1991. – с. 412.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч.: в 50 т. Т. 1. – М.: Политиздат. – 1955. – с. 698.
8. Поцелуев С.П. Вспоминая Лукача // Д. Лукач История и классовое сознание. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. – 2017. – с. 5-52.
9. Съякалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. – М.: Издатель Степаненко. – 2001. – с. 348.
10. Lukács G. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 2011. – P. 307.
11. Lukács G. Tagebuch 1910-11 – Berlin: Brinkmann und Bose. – 1991. – P. 58.

TRANSLIT

1. Arslanov V.G. «Gibel pravdy est eye pobeda...» (Filosofiya i etika D. Lukacha i Mikh. Lifshitsa v svete ikh perepiski) // Mikh. Lifshits i D. Lukach Perepiska. – M.: Grundrisse. – 2011. – PP. 5-27.
2. Dmitriyev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannaya Frankfurtskaya shkola 1920-1930-e gg. – SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge, Letny sad. – 2004. – P. 528.
3. Zemlyanoy S.N. Georg Lukach i zapadny marksizm. – M.: Kanon+. – 2017. – P. 336.
4. Lifshits Mikh. Chto takoye klassika? – M.: Iskusstvo XXI vek. – 2004. – P. 512.
5. Lukach G. Kommentirovannye fragmenty rukopisi knigi «Dostoyevsky» // G. Lukach Lenin i klassovaya borba – M.: Algoritm. – 2008. – P. 448.
6. Lukach D. K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny. – M.: Progress. – 1991. – P. 412.

¹ Впрочем, по замыслу Лукача за «Онтологией» должна была последовать «Этика».

-
7. Marks K. K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedeniye // K. Marks i F. Engels Sobr. soch.: v 50 tt. T. 1. – M.: Politizdat. – 1955. – P. 698.
 8. Potseluyev S.P. Vspominaya Lukacha // D. Lukach Istoriya i klassovoye soznaniye. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. – 2017. – PP. 5-52
 9. Stykalin A.S. Dyerd Lukach – myslitel i politik. – M.: Izdatel Stepanenko. – 2001. – P. 348.
 10. Lukács G. Lebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 2011. – P. 307.
 11. Lukács G. Tagebuch 1910-11 – Berlin: Brinkmann und Bose. – 1991. – P. 58.